

моими стихами в "АКЗЕНТЕ" 83? Слово "группа" в искусстве всегда настораживает, но я, пожалуй, не знаю более естественной группы, чем бывшее сотрудничество Булатова и Васильева, работавших в соседних мастерских дверь в дверь и бегавших иной раз друг к другу чуть не ежечасно - обсудить, что нового произошло в картине.

А если их называть группой, то и у меня есть кое-какие основания считать себя бывшим членом той же группы. Я был их первым зрителем, они - моими первыми читателями больше 20 лет. И если брать в расчет и меня, то концепция Der Groussishe Kunst скисает дополнительно. Прощу прощения, но все-таки я действительно не Пригов, как Булатов+Васильев - не Кабаков. Повторяю сказанное раньше: при всех возможных отговорках и уточнениях, все-таки я умею писать как Пригов, и умел как Пригов до Пригова лет если не за 20, то за 15 добрых. А вот Пригов не умеет, как я, - хотя и пытается.

Я знаю, и Булатов с Васильевым давно знают резоны и права специфичного в искусстве - знаем практически, на опыте собственной работы - поскольку знаем также и резоны, и права остального. Знаем его необходимость, как и его ограниченность. Знаем, что специфичное не отдельный тупик, аппендикс, а в конечном итоге этап, часть чего-то еще. И умеем - или по крайней мере стараемся уметь - не манифестировать, не играть с этими специфичными явлениями, а более или менее нормально работать. И вполне отчетливо видим, в чем дело тут с "наукой" вроде гройсовской, в чем дело со всяческой приготовой и кабаковинной - с чего это она тут застряла и никак не пролезет дальше - по двум причинам: 1. Она не умеет - не успела доработаться до себя, как ее застужал успех, который она же себе устроила. 2. Поэтому теперь уже и не хочет - ей выгодно, и теперь уже одно остается: раскручивать колесо вразнос. И господствующая наука упорно и намеренно гугает, смешивает внутреннюю цельность явления искусства и закрученность собственного рассуждения об этом явлении, все время второе подменяя первым - ей так удобно, и она хозяйка. Так она думает...

Г-н Вир, разумеется, я могу заблуждаться и на свой счет, и относительно роли в искусстве своих близких знакомых и любимых художников. Всякий может заблуждаться. Это понятно. Но знаете, кто и что меня убеждает в моей правоте особенно настоятельно? Вот как раз явления вроде Гройса - с чего бы, действительно, Гройсу, стараящемуся выглядеть солидным ученым, вести себя так рискованно? Ведь Боря Гройс, собственно, пустился уже во все тяжкие, и вряд ли такой номер, какой он проделал со мной в 83 году, бы чаще делать послабления на русскую специфику. Будь Боря прав, куда спокойней и надежней для Бори было бы вести себя не так, попросту сказать, по-блатному. Не так глуп Боря Гройс, чтоб не соображать, - куда выгодней Боре было бы корректней, ровнее повести себя и с Васильевым, хотя бы внешне прилично, не так явно его выделяя.

Тут тот же случай, что и со мной - Боре приходится уже пускаться во все тяжкие. В свое время Боря увлекся своими новыми возможностями и чуть переоценил свои силы. И теперь Боре остается одно - набирать и набирать обороты. Назад уже не попятиться - чересчур далеко зашло дело.

Подумайте: целое, можно сказать, здание, концепция - представление о современной русской поэзии - а с ней, значит, и литературный русский язык, и искусства, - двенадцать лет сооружается при помощи нагромождений "научной" словесности сознательно изначально криво. Сооружается на этой причине сооружается - так это называется - и именно по этой причине сооружается настолько успешно, что практически не допускать никакие возражения и комментарии. Больше того: невозможным оказывается не только возразить прямо на весь этот Groyss-wissen-und-gesel-shaft - не удается, и больше пяти лет не удается, и просто подать голос, высказать собственное мнение, собственный взгляд на тот же пейзаж. Никак, хоть ты гресни, больше пяти лет не удается довести до благорасположенной - судя по моим публикациям стихов - немецкой публики хотя бы ту же статью, опубликованную в отнюдь не благорасположенной ко мне "Литературной газете" еще в 90 году...

Что за притча, г-н Вир? Чего доброго, Боря Гройс и все, кто с Борей и кто за Борей, так и правда могут подумать, что судьба мне век сидеть В РАМКАХ МОСКОВСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ, очерченных мне Борей в ответ именно на ту статью - а на самом деле в ответ на то, что не поленился я поймав Борю на том самом боринном гешефтмахерстве. Поймав публично, в Германии - что, однако, как видим, отскочило от Бори как от стенки горюх.

Нет, это надо же. Это надо прямо-таки уверовать в перспективу непоколебимого Тысячелетнего Гройса - Tausendjahren Groyss, чтобы так не опасаться, что история выйдет наружу. Простенькая, в сущности, история, как компания шустрых ребят под маркой русского неофициального искусства мало не десять лет как хотела обдeldывала свои делишки в Германии - обдeldывала успешно и поразительно гладко, беспрепятственно...

Да, к большому сожалению, у страны сейчас серьезные шансы обратиться опять вспять, опять в страну дураков. А вот в этом нашем деле, деле искусства - как Вы думается, можно ли после

всего описанного выше считать, что немецкая сторона ничем не способствовала такому возможному обороту?

У Сабинны Хенгстен есть меткое словечко для наших здешних безобразий - Schweineisse. Ja, gichtig. Schweineisse. Только интересно - а когда Сабина Хенгстен в течение пяти лет уверяет меня, что готовит публикации моих статей по-немецки, и не думая сама этого делать, - это как называется, каким словечком? Русским, немецким? И не станется ли Schweineisse на капеллеку больше? Ту капеллеку, которая зависит от нас? А может, и на вердерко.

Такое дело искусство. Раньше-позже, как мы уже убедились, тут все выходит наружу. Раньше-позже назовут вещи своими именами, и не поможет никакая терминология. Как и самая всеобъемлющая научно-культурная организация. Более мощной и всеобъемлющей, чем хорошо нам знакомая советская, на горизонте пока не заметно - во всяком случае, не Боре Гройсу с ней равняться - тут Боря Гройс явно зарвался. Думаю, что и не только не Боре, но и не всей немецкой культурсистеме - при самых лучших с Борей у нее отношениях. И если провокация удастся, свистопляска, блатной обезьянник спровоцируют-таки реакцию ретроградства, фундаментализма и оголтелого мракобесия - едва ли только в искусстве (да и свистопляска с разворыванием сейчас бушует у нас не только, мягко скажем, в искусстве) - и с воцарением в результате с той или иной стороны ны вот того самого тоталитаризма, который через полвека так заворожил искусство Германии, - уверены ли вы, что те, скажем, научно-художественные силы Германии, которые устроили хотя бы "Русское искусство около 90 года", с чистой совестью смогут почувствовать себя в стороне от этих русских безобразий? Их, мол, русское дело. Опять очередное ихнее русское уродство, а мы ни при чем. Так ли?

Искусство не движет горами, не свергает и не устанавливает режимы непосредственно. Но всегда вольно или невольно во всем этом посылке участвует, и мы это видели и пережили. Освобождалось искусство заодно со всей страной, сейчас заодно со всей страной хворает. И случись такая беда - реванш уродства-ретроградства, - пусть будет отчетливо ясно: ЭТО уродство - это ТО уродство, только в очередной раз перевернутое. ТО, которое на добрую долю искоренено-встоено было немецкой научно-рыночно-художественной средой, пожелавшей понизить русское искусство как, главным образом, уродское искусство. Дурацкое искусство.

Вообще, г-н Вир, не кажется ли Вам, что в силу и полнейшего слияния искусства с наукой, и абсолютного взаимопонимания Гройса и германских культурструктур есть некоторая опасность легкости, видимой беспроблемности, опасность того, что те, кто вольно или невольно желали бы создать для себя образ - не врага, нет, но - ОБРАЗ ДУРАКА, сами всерьез начинают в него верить, принимая свое создание за реальность, людей за дураков, а "Русское искусство около 90 года" - за русское искусство дурацкое и уродское русской спецификой - вот как раз подобно специфическому концептуализму по Боре Гройсу, Кабакову и Пригову. А не торопитесь ли вы: уверяю вас, уловицина - и у нас уловицина, а вовсе не русская специфика. То же и блат. То же и нахальство. И глупость.

Любопытно, как бы приняли даму - начальнику германского учебного заведения, которая на вопрос, а кто у вас в заведении работает, скромно бы ответила: "Лучшие люди Германии...". Как бы с ней после этого стали разговаривать остальные люди - не лучшие люди - всерьез или не шликом? Между тем, как раз такой случай случился на гастролях в Германии одной из новых русских начальниц, так и заявившей: а работают у нас (т.е. у дамы-начальницы) лучшие люди России... И случай не то что прошел благополучно - прошел, как говорят, на ура. Заявление было так и понято, как сказано, - вполне в буквальном смысле... И имело успех у избранной немецкой научной аудитории. И из успеха последовали практические выводы для дамы и дамного заведения - выводы целиком для дамы благоприятные. Приободрили даму дополнительно и дальше бушевать в том же роде. Чтобы ревели буря, гром гремел на Schweineisse. Наверно, мол, у них там в России так и полагается... Уверяю Вас, что в общем-то нет, г-н Вир. Не полагается так в России так же, как и в Германии. Как и в Люксембурге. Уверяю Вас, что русские по природе вообще отличаются от людей сравнительно мало, иногда почти незаметно. (А что делать - видите, как прогресс науки по Боре Гройсу поневоле вынуждает спохватываться и заново добывать истины времен Адама. Адама Олеария).. Вот так и русское искусство похоже, в общем-то, на людское искусство. Никак не меньше похоже на людское, чем на не-людское. Подторгует ли такой неспецифичностью Гройс, или нет.

В конечном счете, искусство социалистического реализма тоже и было искусством, подгонявшимся под болтовню, словесность об искусстве. Каковую болтовню, сколько времени и какими способами подгонявшимся - уже следующие вопросы.

(окончание следует)

С.Богуславский. "Пенелопа"